

УДК 93(=511.2)

В.И. Сподина

Особенности отношения человека к опредмеченному миру в традиционной культуре обских угров и самодийцев

Аннотация. В статье рассматривается отношение к вещи в контексте традиционной культуры хантов, манси и ненцев. Раскрывается сакральный характер взаимоотношений «человек-вещь», вводятся в научный оборот полевые материалы автора, анализирующие этикетные нормы, связанные с отношением к вещи как к одухотворённому подобию их хозяина. Описываются запреты, характерные для опредмеченного мира традиционной культуры, а также подчёркивается наделение вещи семиотическим статусом.

Ключевые слова: традиционная культура, вещь, орудия труда, предметы быта, мастерство, сакральность, этикетные нормы.

V.I. Spodina

Attitudes towards objectified world of a person in the traditional culture of the Ob-Ugric and Samoyedic peoples

Abstract. The article discusses the relation to things in the context of the Khanty, Mansi and Nenets traditional culture. The sacral nature of the relationship between «man-thing» is disclosed. The author's field material, analyzing etiquette rules concerning things as spiritualized likeness of their master is introduced into scientific use. Prohibitions characterized for the objectified world of the traditional culture are described. It is emphasizes the empowerment of things with semiotic status.

Keywords: traditional culture, thing, tools, household items, craftsmanship, sacral, etiquette rules.

Человек живёт в окружении вещного мира. Это своего рода его опредмеченный «Я-образ». Несмотря на многофункциональность вещи в традиционной культуре и её неотделимость от человека, само понятие «вещь» чётко не определено. Близкое по значению хантыйское слово *от* (ед. *отам*), встречаемое в фольклоре, обозначает следующие понятия: «1) «нечто» (о привидениях); 2) имущество, скарб: у северных хантов есть слово «*tas*», которое по значению ближе к абстрактному понятию «вещь» [1, 45]. Казымские ханты словом *тац* обозначают «богатство», «стадо» [2, 261]. Определение вещи (*ңымали*) в ненецком языке более разнообразно, и обозначает «предмет», «багаж, кладь», «имущество», «инвентарь», а также отвлечённые понятия «всякий, каждый» [3, 100]. В данной связи представляет инте-

рес упоминание слова *ңамгэри* «что-либо, что-нибудь» [4, 106] в значении «вещь» относительно мужских половых органов в фольклоре тундровых ненцев: «Я прыгнул под хора. Волчья пасть между двух его задних ног прошла. Сбил я его, хор упал на деревянный пол. Я рванул зубами и оторвал у хора между ног – в пасти моей его вещи остались. Кровь хлещет из Сиибэ Мандо» [5, 174].

Фольклор приписывает первенство изготовления орудий труда, предметов быта богам, подчёркивая их сакральностью важность процесса созидания культуры. Хантыйский миф «О сотворении мира» повествует о том, как *Торум* сделал людям котёл, чтобы они могли есть варёную пищу, «показал, как добывать птицу перевесами, рыбу – гимгой, как неводить, как колыданишь и всякие промыслы» [6, 63]. Не случайно

древний хантыйский обычай «запрещал в течение некоторого времени после семейной ссоры братья за изготовление вещи» [7, 9]. Поэтому отношение к вещам, даже самым неброским, было максимально уважительным.

В традиционной культуре нет бесполезных вещей или вещей, сделанных наспех. Вот как описывает У.Т. Сирелиус сумочку для огнива *tuguvohsoh* (вах. хант.). Сделана она была из «шкуры оленя, при этом передняя и задняя части обращены мехом наружу, а боковые части из кожи, сшита сухожильными нитями. Около отверстия в крышке привязана чёрно-красная полоска ткани. В этой сумочке хранится вторая сумочка под названием *kavlak(h)*, сшитая из бело-чёрных кусочков ткани, к её шнуру прикреплен коготь рыси. В этой внутренней сумочке хранится огниво и трут, а в наружной – игла, нитки и амулет» [8, 281].

В каждом предмете, созданном рукой человека, угадывался только ему присущий почерк, его индивидуальность, мастерство. Для мужчины мастерство выражалось в отсутствии «следов ножика» (*кал миню́ма* «ножика дорожка», лесн. нен.) на изготовленных им предметах домашнего обихода. Но если следы орудия труда встречались в постройках – это уже считалось почерком, мастерством. В.М. Кулемзин подметил, что «человек, выполняющий требования культуры, не может сделать некачественную вещь и наоборот, «не знающий правил своей культуры, не может сделать вещь по всем правилам, т.е. хорошо» [7, 9].

По внешнему виду вещей, как по паспорту, можно было определить принадлежность изделия тому или иному хозяину. «Мансийские женщины отмечали, что каждая куколка-*акань* похожа на свою «хозяйку» [Устное сообщение С.А. Поповой. Ханты-Мансийск, 2015]. Так, по отпечатку задника лыж хорошо угадывался их владелец, по орнаменту на одежде или утвари узнавали мастера-изготовителя или этническую принадлежность изделия. К примеру,

хантыйки Нижнеобского ареала украшали свои хлопчатобумажные платья *ернас* «разноцветными полосами (из ткани или тесьмы), идущими параллельно конструктивным швам, по воротнику, грудному разрезу, кокетке, манжетам, низу подола... Отличие платьев казымских и берёзовских женщин заключается в расположении орнаментальных полос, они нашиваются выше волана, причём, по словам мастериц, чем выше по течению Казыма располагается селение, тем дальше стоят полосы от края подола» [9, 119].

Обские угры верили, что вещь, являясь одухотворённым подобием своего хозяина, могла содержать его черты. По этой причине плохую, некачественную вещь старались не иметь, «чтобы не обретать черт плохого человека» [7, 10]. На р. Вах Л.Е. Кунина записала предание о духе смерти и болезни *Кыне*, которого младший сын верховного бога *Торум*'а по имени *Альвал* заманил в красивый сундук-гроб и опустил на середину моря. Рыбакам же наказал не доставать сундук и не открывать его. Но те, увидев сундук, ослушались: разве что-то злое можно положить в красивый сундук? [10, 17-19].

В традиционной культуре ценилось уважительное отношение к вещам, по отношению к которым существовали свои этикетные и запретительные нормы. Например, с сакральной нечистотой женщины связывался запрет на перешагивание вещей мужа (мужчины), особенно промысловых. Нарушение запрета сулило неудачу в охоте, рыбной ловле. Запрещалось укрываться шубой или *сахом* подолом к голове [11, 66-67], качать пустую колыбель (плохой знак). Осуждалась небрежность в одежде. Девочка в неряшливо надетой шубе с бляхующимися полами и без пояса хантами сравнивалась с распластанной щукой (*сарт пельк*). Для высшей степени неопрятности употреблялось слово *нён*, которое воспринималось хантами как ругательное. Манси скажут про человека, который куда бы ни наступил, обязательно что-нибудь сломает:

«Он будто с железными подошвами» (*Тавшар ты кёрләгылпатт*). Такой человек быстро изнашивает обувь [Устное сообщение М.В. Кумаевой. Ханты-Мансийск, 2009].

Совокупность вещей, принадлежащих данному человеку, является его собственностью или имуществом. Распоряжаться им можно по-разному. Положительно характеризуется человек, который не пожалеет своей вещи для другого. Как отголосок прошлого сохранилось редкое определение щедрого человека у лесных ненцев – «мясо (его) хорошее» (*ңамсаханта хома*), в значении «душа его хорошая». В определении такого человека у тундровых ненцев также присутствует слово *ңамса* «мясо» (*ңамзада сава ненэць*, букв.: хорошее мясо имеющий, не жалеющий мяса). Данные примеры отражают перенос пищевых предпочтений на социальные отношения и характеристики. Сравнение с мясом – это высший показатель оценки качества чего-либо, не является исключением и сфера человеческих отношений. В языке северных хантов широкий спектр мироощущений, связанный со щедрым человеком, определялся понятием «прожить светлый жизненный век» (*нови турм улты*), то есть не быть жадным, завистливым.

В хантыйском языке казымского диалекта для отвлечённого понятия «жадность» имеется несколько вариантов: *сякар* (досл.: жадный до денег или вещей) или *нелянг* (досл.: жадный до еды). Ханты характеризовали жадного, скупого человека следующими выражениями: «с величину ногтя кусочек не даст» (*кускар ловат атл ант мал*, приур. хант.); «мышинная жила» (*ай вой дон хурійэ*, каз. хант.) [2, 13]. З.С. Рябчикова вслед за В. Штейницом приводит идиоматическое выражение, характеризующее жадного человека у казымских хантов: *śār-kūš* «скупой» (букв.: голые ногти) – ничего, кроме ногтей, в руке нет, ничего не предлагает, гость уходит от человека не солоно хлебавши, с пустыми руками» [12, 182]. Жадный человек (*малу* «жадный», *тиши* «скупой», лесн.

нен.), как считают ненцы, «ничего не ро- няет, даже утробу оленей». Для ненцев признаком жадного человека могут выступать выпученные глаза («бычеглазый»). Про такого человека скажут: «Глаза (его) торчат» (*Хэмта нянденена*). Также охарактеризуют человека в состоянии испуга, настороженности, но во всех случаях это определение имеет негативный для человека оттенок [13, 105]. Скупой до мелочей человек даже «кружку воды не предложит». У такого «обогреться – и то хорошо» (*чикехадта хома*, лесн. нен.). Фольклор манси содержит интересный пример человеческой жадности. «Да что этот Ватахум! Если бы из него даже плохая вода (моча – С.А. Попова) потекла, он бы и её выпил» [14, 81].

Зависть – чувство, связанное с желанием обладать чем-либо, что имеет другой человек, и резко осуждаемое традиционным обществом. «Зависть, – писал Г. Лейбниц, – есть беспокойство (неудовольствие) души, вытекающее из того, что желательным нам благом обладает другой человек, которого мы считаем более нас достойным владеть им» [15]. Завистливый человек определяется хантами как *ушам* (*ушмәйцты* «завидовать», шур. хант.), *сыпәң сәм тәйтты* (букв.: желчное сердце иметь); *сәмен сыпды ат ул, нуптән хўв улдән* – Не будь завистливым (букв.: пусть сердце будет без желчи), век свой долго проживёшь [16, 120]. Мансийский язык даёт нам целый ряд коннотаций понятия «зависть» (*сым сяргим суснэ вәр-малъ*): «завидовать» (*матыр нупыл сим сяр-гим сунсуңкве*) [17, 81], *сым сярги* «сердце жжёт», «тоскует», «скупает», «щемит», «сожалеет» (по любимому человеку, по детям). «Это многозначное понятие, смотря в какой обстановке его сказать» [Устное сообщение Т.Д. Слинкиной. Ханты-Мансийск, 2014]. Л.Н. Панченко различает «злую зависть» – *лавыл нэглым сим сярэг* (букв.: сердце щемит, наполненное злом и ненавистью) и «добрую зависть» – *сым сярэг* (букв.: щемление сердца) [Устное сообщение Л.Н. Панченко. Ханты-Мансийск, 2014].

Считается, что «добрая зависть» не несёт в себе разрушительных для человека последствий, хотя человек в таком состоянии не свободен от переживаний, связанных недостатком благ, которые имеются у другого человека. Но при этом он готов предпринять усилия для достижения успехов другого человека. Человек с «чёрной» завистью не в состоянии справиться со своим безудержным желанием овладеть не принадлежащими ему благами. Такая неконтролируемая эмоция проявляется в завладении чужим имуществом – воровстве (*додмах* «вор», хант.; *тиди* «вор», «ворует», лесн. нен.; *тулманты* «вор», манс.). Про вора ненцы скажут, что у него «руки длинные» (*нучи тямн*) и сравнят с сорокой, которая склонна таскать к себе в гнездо небольшие яркие, блестящие предметы (*капити* «халахку таймана тылцля шэ» эв хамьта «сорока до того ворует, у неё аж семь глаз»), а ханты – с росوماхой, которая «замечена» в воровстве рыбы из морд (*нюр дошэк дампа, муй ут шивалэл, ищи мурт алемэл* «как росумаха, что увидит, всё ворует») [18, 42].

Ханты и ненцы считали, что нечистого на руку Бог обязательно накажет, но и сами наказывали виновного в краже. «У селькупов за кражу виновному навешивали на спину берестяной короб для сбора ягод, набитый глиной или песком. У сургутских хантов за воровство <...> виновного одевали в старую одежду и водили его по селению. Васьюганские ханты приговорённого водили по селению, а он под колпаком позора в виде примитивной шляпы из бересты должен был ходить от юрты к юрте и бить в котёл <...> Ханты р. Малый Юган у уличённого в краже добычи из чужой ловушки снимали лыжи и отбирали нож, а к ноге привязывали палку. Охотник с отобранным ножом считался опозоренным» [7, 16, 28]. Однако, если человек, оказавшись в вынужденной ситуации, что-либо возьмёт на стойбище, либо воспользуется едой, дровами, которые потом заготовит и положит на место, оставит специальные знаки-метки, с какой стороны

приехал (воткнутая в снег палочка, наклонённая в сторону движения), да ещё и поставит на ней свою тамгу, то «когда хозяин на такое посмотрит, ему становится приятно, что человеку помог, хотя и не принимал участия: чай не заваривал гостю, морду (плетёная ловушка для рыбы) не помогал вытащить из реки и т.д.» [П.Я. Айваседа, Улька-речка, 1998]. Следует сказать ещё об одной особенности отношения к понятию «воровство». Юганские ханты полагали, что красть считается зазорным только «по отношению к соплеменникам», а воровать что-либо у чужих «воспринималось своеобразным подвигом, проявлением богатырской доблести». В качестве оправдания приводятся деяния богатыря божественного происхождения *Ягун-ики* по защите и «благоустройству» своей территории за счёт присоединения сосновых боров, камней, оленей с Казыма [19, 277]. Ненцы считали, что точильный камень (*шитя*, нен.; *пай, листан*, хант.) нужно красть (так он сохраняет большую сакральность), а ханты полагали, что точило можно брать, но не из рук в руки, а положив на тыльную сторону ладони или на пенёк. При этом следует сказать: «Я тебя через камень вижу». Считалось, что нарушивший эту традицию, «на том свете не сможет преодолеть каменной горы». Но ни хантам, ни ненцам спорить о точиле нельзя, как запрещается и перешагивать через него. Такие действия считались греховными. Для них это божественная вещь, которая напрямую связана с применением металла в производственной и обрядовой практике [20].

Таким образом, созданные человеком предметы отражают самые разные стороны общественных отношений. «В первобытном мировоззрении вещь часто выступает в роли человека и даже сверхчеловека: ей доверяют больше, чем обычным людям, родовым общинникам» [7, 5, 24-25]. Представленные материалы позволяют сделать следующие выводы:

1. Вещь как продукт материально-духовной культуры выражает суть человека, её

создавшего, и вписана в определённый понятийный нарратив.

2. В культуре, ориентированной на народную традицию, вещи присуща идентичность, семиотический статус, а в случае выхода за пределы обыденности – сакральность. Иерархия в мире вещей не прослеживается.

3. Отношение человека к вещи вписывалось в общую концепцию одухотворённости окружающего мира и поэто-

му отличалось многоплановостью. Вещь, сделанная человеком для себя, становилась отражением её создателя, его собственностью. Это давало человеку право распоряжаться ею безгранично.

4. Традиционной культурой поощрялась щедрость и порицались зависть, жадность. Однозначно осуждалось и наказывалось воровство, в том числе и при помощи карающей функции богов.

Литература

1. Мифология хантов / Научный редактор В.В. Напольских. Т. 3. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 310 с.
2. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь. СПб.: Миралл, 2006. 336 с.
3. Бармич М.Я., Вэлло И.А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект). СПб.: Просвещение, 2002. 288 с.
4. Буркова С.И., Кошкарёва Н.Б., Лаптандер Р.И., Янгасова Н.М. Диалектологический словарь ненецкого языка / Под ред. Н.Б. Кошкарёвой. Екатеринбург: Баско. 2010. 352 с.
5. Головнёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.
6. Мифы, предания, сказки хантов и манси / пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков; сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной; под общей редакцией Е.С. Новик. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 568 с.
7. Кулемзин В.М. Учебно-методическое пособие к курсу «Этнографическое краеведение». Отношение человек – общество в традиционных и современных культурах Сибири. М.: ИКАР, 1997. 48 с.
8. Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 344 с.
9. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов / Отв. редактор серии С.В. Чешко. М.: 1998. 235 с.
10. Ёл'вы. Альвы /сост. и пер. Л.Е. Куниной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 144 с.
11. Песикова А.С. Взгляд изнутри культуры. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 98 с.
12. Рябчикова З.С. Соматическая лексика хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. 264 с.
13. Сподина В.И. Образ русских в представлениях обско-угорских народов // Мировоззрение славян и взаимодействие культур. Материалы докладов и статей VII Межрегиональных всероссийских научно-практических Кирилло-Мефодиевских чтений. Ханты-Мансийск, 2007. С. 104-116.
14. Тагт ос Сакв махум потраныл-мойтаныл. Рассказы-сказки народа Сосьвы-Сыгвы. Вып. 2. Вораан махум мойтыт. Сказки охотников / Составители: С.А. Попова, С.М. Романдеева. Перевод, предисл., примеч. С.А. Поповой. Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. 96 с.
15. Высказывания, цитаты. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.wisdoms.ru/pavt/p123.html>.
16. Вальгамова С.И., Кошкарёва Н.Б., Онина С.В., Шиянова А.А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты). Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
17. Ромбандеева Е.И. Русско-мансийский словарь: учебное пособие для уч-ся 5-9 кл. общеобраз. учрежд. СПб.: Миралл, 2005. 360 с.
18. Гизатуллина Ф.А. Национально-культурная специфика образа человека (на материале не-

- нецкого языка). Рукоп. дипл. работы. Ханты-Мансийск, 2013. 87 с.
19. Салымский край. Научно-художественное издание. Екатеринбург: Тезис, 2000. 344 с.
20. Соколова З.П. Использование металла в культовой практике хантов и манси // ЭО. – № 6. – 2000. – С. 30-45.

References

1. Mifologija hantov. T. 3. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2000. 310 s.
2. Solov'ov V.N. Hantysko-russkij slovar'. SPb.: Mirall, 2006. 336 s.
3. Barmich M.Ja., Vjello I.A. Slovar' nenecko-russkij i russko-neneckij (lesnoj dialekt). SPb.: Prosveshhenie, 2002. 288 s.
4. Burkova S.I., Koshkarjova N.B., Laptander R.I., Jangasova N.M. Dialektologičeskij slovar' neneckogo jazyka / Pod red. N.B. Koshkarjovoj. Ekaterinburg: Basko. 2010. 352 s.
5. Golovnjov A.V. Kochevniki tundry: nency i ih fol'klor. Ekaterinburg: UrO RAN, 2004. 344 s.
6. Mify, predanija, skazki hantov i mansi / per. s hantyskogo, mansijskogo, nemeckogo jazykov; sost., predisl. i primech. N.V. Lukinoj; pod obshhej redakciej E.S. Novik. M.: Nauka. Glavnaja redakcija vostočnoj literatury, 1990. 568 s.
7. Kulemzin V.M. Učebno-metodičeskoe posobie k kursu «Jetnografičeskoe kraevedenie». Otnošenje čelovek – obščestvo v tradicionnyh i sovremennyh kul'turah Sibiri. M.: IKAR, 1997. 48 s.
8. Sirelius U.T. Puteshestvie k hantam. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001. 344 s.
9. Martynova E.P. Očerki istorii i kul'tury hantov / Otv. redaktor serii S.V. Cheshko. M.: 1998. 235 s.
10. Äl'vy. Äl'vy / sost. i per. L.E. Kuninoj. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2005. 144 s.
11. Pesikova A. S. Vzgljad iznutri kul'tury. Hanty-Mansijsk: Poligrafist, 2006. 98 s.
12. Rjabchikova Z.S. Somatičeskaja leksika hantyskogo jazyka. Hanty-Mansijsk: Print-Klass, 2012. 264 s.
13. Spodina V.I. Obraz russkij v predstavlenijah obsko-ugorskij narodov // Mirovozzrenie slavjan i vzaimodejstvie kul'tur. Materialy dokladov i statej VII Mezhregional'nyh vsrossijskij nauchno-praktičeskij Kirillo-Mefodievskij čtenij. Hanty-Mansijsk, 2007. S. 104-116.
14. Tägt os Sakv mähum potranyl-möjtanyl. Rassказы-skazki naroda Sos'vy-Sygvy. Vyp. 2. Vörajan mähum möjtyt. Skazki ohotnikov / Sostaviteli: S.A. Popova, S.M. Romandeeva. Perevod, predisl., primech. S.A. Popovoj. Hanty-Mansijsk: Pечатное дело, 2010. 96 s.
15. Vyskazyvanija, citaty. [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://www.wisdoms.ru/pavt/p123.html>.
16. Val'gamova S.I., Koshkarjova N.B., Onina S.V., Shijanov A.A. Dialektologičeskij slovar' hantyskogo jazyka (shuryshkarskij i priural'skij dialekty). Ekaterinburg: Basko, 2011. 208 s.
17. Romandeeva E.I. Russko-mansijskij slovar': učebnoe posobie dlja uč-sja 5-9 kl. obščheobraz. učrežhd. SPb.: Mirall, 2005. 360 s.
18. Gizatullina F.A. Nacional'no-kul'turnaja specifika obraza čeloveka (na materiale neneckogo jazyka). Rukop. dipl. rab. Hanty-Mansijsk, 2013. 87 s.
19. Salym'skij kraj. Nauchno-hudožestvennoe izdanie. Ekaterinburg: Tezis, 2000. 344 s.
20. Sokolova Z.P. Ispol'zovanie metalla v kul'tovoj praktike hantov i mansi // JeO. – № 6. – 2000. – S. 30-45.